В. Черновъ.

КЪ ВОПРОСУ О КАПИТАЛИЗМѢ И КРЕСТЬЯНСТВѢ.

2-е изданіе.

6Н359

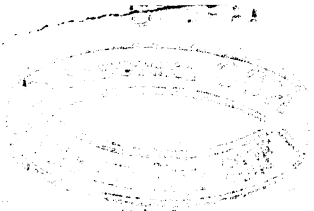
Цѣна 5 коп.

Книгоиздательство „Спятель".

6к

Къ свѣдѣнію читателей.

Вслѣдствіе все возрастающаго количества книгъ, выпускаемыхъ въ свѣтъ за послѣднее время, понятной является потребность читателей найти руководительство при выборѣ книгъ для чтенія по разнымъ вопросамъ. Печатные указатели, удовлетворяя въ значительной мѣрѣ потребности, очень быстро однако отстаютъ отъ книжнаго рынка и потому не могутъ вполнѣ замѣнить непосредственныхъ живыхъ указаній. Книгоиздательство предлагаетъ свои услуги въ этомъ отношеніи и проситъ всѣхъ, кто нуждается въ тѣхъ или иныхъ указаніяхъ при выборѣ книгъ для чтенія, обращаться съ письменными запросами въ книгоиздательство. На отвѣтъ должна быть приложена почтовая марка.



749
37

„Пров 38"

„Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ".

Для правовѣрныхъ католиковъ существуетъ, какъ извѣстно, кромѣ рая и ада, составляющихъ достояніе всѣхъ христіанъ, еще особое, спеціальное учрежденіе—чистилище, проходя сквозь которое, душа очищается и приготовляется къ райскому блаженству. Для „правовѣрныхъ" марксистовъ тоже, въ качествѣ основного догмата существуетъ матеріалистическая передѣлка идеи „чистилища". Роль *неизбѣжной* переходной ступени приготовляющей къ воспринятію благъ будущаго соціальнаго строя, выпала на долю капитализма. Производство страны для того, чтобы сдѣлаться крупнымъ и планомѣрно-общественнымъ, должно предварительно сконцентрироваться подъ господствомъ капитала; непосредственные производители, трудящіеся, чтобы съорганизоваться въ коллективную единицу „государство будущаго", должны предварительно нѣкоторое время пробыть чистыми пролетаріями, не имѣющими за душой ровно ничего, кромѣ рабочихъ рукъ. Въ чистилищѣ вѣрные католики совлекаютъ съ себя послѣдніе остатки, послѣднія наслоенія „житейской скверны", окончательно омываются отъ всего плотскаго, земного. Въ положеніи пролетарія работники также очищаются отъ мелко-буржуазныхъ" привычекъ, отъ индивидуализма, отъ „фанатизма собственности", отъ привычнаго стремленія быть хозяиномъ самому себѣ. Такимъ образомъ подготовляются тѣ и другіе быть „чистыми сосудами будущаго блаженства", и другого пути къ послѣднему нѣтъ и быть не можетъ. Какъ вѣрный католикъ долженъ отрѣшиться въ чистилищѣ окончательно отъ грѣшной земли, такъ и крестьянинъ, въ представленіи „правовѣрнаго марксиста, долженъ также быть отрѣшен-

нымъ отъ „земли“ въ развивающимся капиталистическомъ строѣ.

Сторонники этого взгляда очень строго относятся къ „мелко-буржуазности“ крестьянина, „цѣпляющагося за тѣнь своей прежней хозяйственной самостоятельности“. Его нежеланіе разстаться съ самостоятельностью, они считаютъ тенденціей чисто реакціонной. Отсюда понятны и упреки ихъ въ мелко-буржуазности и реакціонности такъ называемому *народническому* теченію общественной мысли. Оно реакціонно, ибо желало-бы сохранить или вернуть крестьянину, поскольку возможно, его самостоятельность, чтобы на ея фундаментѣ построить обобществленіе производства. Между тѣмъ иного пути въ обобществленію, кромѣ капиталистическаго, нѣтъ. Производство должно быть организовано въ крупныхъ размѣрахъ капиталомъ и затѣмъ передано, въ качествѣ готоваго наслѣдства, грядущему строю. Не можетъ быть обобществленія снизу, ибо всякая попытка подобнаго обобществленія неизбѣжно обречена на вырожденіе—такъ, артели, кооперації только повышаютъ благосостояніе отдѣльныхъ небольшихъ группъ личностей и этимъ ставятъ ихъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ остальной массой. Такъ, трудящіеся превращаются въ мелкую буржуазію.

Вопросъ о томъ, какимъ путемъ пріобщится земледѣліе и крестьянство къ планомѣрному и обобществленному національному хозяйству будущаго, является главнѣйшимъ пунктомъ, ядромъ разногласій между нашими нео-марксистами (признающими именно себя „правовѣрными) и ихъ антагонистами изъ демократическаго лагеря. Совершится-ли это „пріобщеніе“ подъ руководствомъ капитализма или какимъ-либо другимъ путемъ? Совершится ли „обмірщеніе“ земледѣльческаго труда—*сверху* капиталистомъ, или снизу—свободно ассоціированными производителями, примыкающими къ новому *хозяйственному строю просто въ силу сознательнаго предпочтенія, отдаваемаго крупному общественному хозяйству передъ раздробленнымъ индивидуальнымъ.*

Въ связи съ этимъ находится другой крупный пунктъ разногласія: способенъ ли капитализмъ одинаково создать во всѣхъ областяхъ національнаго производства фундаментъ для будущаго „обмірщеннаго“ производства? Или въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства взаимное отношеніе его творческихъ, положительныхъ сторонъ къ отрицательнымъ—рѣшительно неблагопріятное, настолько неблагопріятное, что волею-неволею приходится искать

„иныхъ путей развитія“ общественнаго хозяйства изъ индивидуальной формы въ коллективную? Та точка зрѣнія, на которой мы стоимъ, лучше всего была сформулирована еще въ 1881 году Н. А. Каблуковымъ въ статьѣ: „Обезлюденіе деревень во Франціи“.

„Существованіе наемнаго труда“ говорилъ онъ обнаруживаетъ далеко не одинаковое вліяніе на земледѣліе и фабричную промышленность. Какъ тамъ, такъ и здѣсь вся задача производителя наемными рабочими сводится къ стремленію увеличить свою прибыль; съ этой цѣлью на фабрикѣ, при извѣстномъ уровнѣ промышленнаго развитія, постоянно примѣняются новыя и новыя усовершенствованія, измѣняются техническія основанія производства, вводятся машины и этимъ путемъ постепенно разрушаются прежнія отношенія производства. Продуктъ послѣдняго отдѣляется отъ его непосредственнаго производителя и поступаетъ въ руки фабриканта; самъ же производитель лишается и собственныхъ орудій производства, работаетъ уже не на своемъ, напримѣръ, прядильномъ станкѣ, а на станкѣ, составляющемъ ничтожную часть громаднаго цѣлаго—фабрики, не принадлежащей рабочему. Но въ то же время растетъ сила человѣка надъ природой, усиленнымъ темпомъ создаются новыя цѣнности, открываются и прилагаются къ производству новыя силы. Такимъ образомъ капитализмъ, т. е. господство капитала надъ наемнымъ рабочимъ, рядомъ съ *разрушительнымъ* стремленіемъ, заключающимся въ нарушеніи связи между работникомъ съ одной стороны и орудіемъ и продуктомъ его труда—съ другой, проявляетъ въ фабричной промышленности и *созидающую* тенденцію, увеличивающую силы человѣка въ его борьбѣ съ природой. Въ земледѣліи же существованіе наемнаго труда совершаетъ нѣчто иное. *Отрицательная, разрушающая сторона* капитализма проявляется здѣсь вполнѣ“. Положительныя, творческія стороны капитализма мы встрѣчаемъ постольку, поскольку въ его рамкахъ, т. е. въ капиталистической формѣ, все болѣе и болѣе развивается крупное, обобществленное производство. Иными словами, эти положительныя стороны принадлежатъ, собственно, крупному производству, какъ таковому, а не временной, проходящей общественной формѣ его—капитализму.

Было-бы, разумѣется, слишкомъ рискованнымъ утверждать, что капитализмъ въ земледѣліи ничего рѣшительно не даетъ для

крупнаго, обобществленнаго производства. Конкуренція и здѣсь, какъ вездѣ, побуждаетъ къ изобрѣтенію и введенію улучшенныхъ способовъ производства. „Одно изъ крупныхъ послѣдствій капиталистическаго способа производства заключается въ томъ, что онъ, съ одной стороны, превращаетъ земледѣліе изъ ряда простыхъ рутинныхъ пріемовъ, переходящихъ отъ одного къ другому въ наименѣе развитой части общества, въ сознательное научное приложеніе агрономіи, насколько оно вообще возможно въ предѣлахъ отношеній, даваемыхъ частною собственностью".*).

„Раціонализація земледѣлія съ одной стороны, которая допускаетъ его впервые вестись въ общественныхъ размѣрахъ, и приведеніе земельной собственности къ абсурду съ другой—представляютъ великія завоеванія капиталистическаго производства"**). Но уже и здѣсь, въ вопросѣ объ улучшеніи способовъ и средствъ призводства—приходится сдѣлать весьма существенныя оговорки. Одно изъ главныхъ средствъ производства въ земледѣліи, а именно сама земля, благодаря капитализму, не только не прогрессируетъ, а даже, напротивъ того, регрессируетъ.

Главною причиною этого является зависимость капиталистическаго сельскаго хозяйства отъ рынка, необходимость подчиняться его властнымъ требованіямъ въ веденіи хозяйства, необходимость поставлять тѣ продукты, и слѣдовательно, воздѣлывать тѣ злаки, на которые существуетъ болѣе усиленный спросъ, а не тѣ, которые нужны съ точки зрѣнія нормальнаго сѣвооборота, эксплуатирующаго землю равномѣрно, не истощая ее. Власть рынка надъ капиталистическимъ производителемъ такъ велика, изолироваться, эмансипироваться отъ нея, хотя не надолго—значитъ очистить мѣсто конкуренту и, быть можетъ, утратить данный рынокъ навсегда. Кромѣ того, въ этой напряженной конкурренціи капиталистъ, чтобы восторжествовать надъ противниками, вынужденъ ежедневно стремиться къ тому, чтобы съ наименьшими затратами получить наибольшее количество продукта,—вынужденъжить минутой,—вынужденъ думать лишь о своихъ непосредственныхъ выгодахъ, а не о томъ, что онъ оставляетъ въ наслѣдіе потомству. Вотъ почему „дѣйствительное раціональное земледѣліе встрѣчаетъ повсюду въ частной собственности непре-

*) Капиталъ т. III, С.-Пб. 1896 г. стр. 509.
**) Ibid 509—510

одолимую преграду... Зависимость культуры тѣхъ или другихъ продуктовъ земледѣлія отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ и постоянное измѣненіе этихъ культуръ, сопровождающее такія колебанія цѣнъ и составляющее всю сущность капиталистическаго производства, имѣющаго ближайшею непосредственною цѣлью денежную выгоду—находится въ противорѣчіи съ земледѣліемъ, которое имѣетъ въ виду управленіе совокупностью всѣхъ постоянныхъ условій, тѣсно между собою связанныхъ человѣческихъ поколѣній"*). Поэтому „всякій прогрессъ капиталистическаго земледѣлія есть не только прогрессъ въ искусствѣ эксплуатировать работника, но въ то же время въ искусствѣ истощать почву: каждый шагъ на пути увеличенія ея плодородія для даннаго періода времени (при капитализмѣ) въ то же время шагъ къ разрушенію на долгое время источника этого плодородія", ибо капитализмъ „нарушаетъ обмѣнъ веществъ между человѣкомъ и землей, т. е. возвращеніе человѣкомъ составныхъ частей почвы, потребленныхъ имъ въ видѣ одежды и пищи, обратно почвѣ—нарушаетъ, слѣдовательно, вѣчныя естественныя условія постоянства плодородія почвы". И „чѣмъ болѣе развитіе какой-нибудь страны основывается на крупной промышленности, тѣмъ быстрѣе происходитъ этотъ процессъ".**)

„Капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію, или раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистическою системой (хотя послѣдняя и содѣйствуетъ техническому его развитію и требуетъ рукъ или самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ, или контроля ассоціированныхъ производителей".***). Такимъ образомъ даже въ раціонализаціи средствъ и способовъ производства приходится признать для земледѣльческаго капитализма такое ограниченіе творческаго вліянія, какое неизвѣстно обрабатывающей промышленности. Но вѣдь „историческая миссія" капитализма еще не ограничивается улучшеніемъ средствъ и способовъ производства. Это лишь необходимыя *условія* существованія крупнаго обобществленнаго производства и капитализмъ въ обрабатывающей промышленности создаетъ не только „условія"—нѣтъ, онъ создаетъ и самое

*) *Ibid.* прим. 118. Здѣсь же Марксъ указываетъ, что капиталист. земледѣл. хозяйство вполнѣ аналогично по своему хищническому характеру капиталистическому хозяйничанію въ лѣсномъ дѣлѣ.

**) Капиталъ, I (Изд. 2-е С.П.-Б. 1898) стр. 441, 442.

***) Капиталъ, III, стр. 83.

крупное обобществленное производство. Въ высшихъ видахъ синдикатнаго соединенія онъ организуетъ, какъ одно цѣлое, отдѣльныя громадныя вѣтви національнаго производства. Въ сельскомъ хозяйствѣ этого процесса не наблюдается: въ лучшемъ случаѣ въ немъ можно замѣтить только слабые намеки на такой процессъ сосредоточенія, концентрированія производства. Этотъ фактъ замѣченъ былъ давно. Но какъ объяснить его? Неоднократно самые серьезные и почтенные экономисты приходили къ тому выводу, будто сельское хозяйство изъято изъ дѣйствія общихъ законовъ политической экономіи, будто въ немъ мелкое производство выгоднѣе крупнаго, и, слѣдовательно, общественное сочетаніе силъ чуть ли не вредно.

Мы отнюдь не поддерживаемъ этого взгляда. Мы полагаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и вездѣ, кооперація даетъ громадную экономію силъ, экономію труда и экономію издержекъ, а мелкое производство „по самой сущности своей исключаетъ развитіе общественной производительной силы труда, общественныя формы труда, общественное сосредоточеніе капитала... прогрессивное приложеніе науки“.*) Не потому туго подвигается впередъ крупное производство въ земледѣліи, чтобы оно само по себѣ было невыгодно, а потому, что *капиталистическая форма* крупнаго земледѣлія заключаетъ въ себѣ тормазы для его развитія.

Первымъ крупнымъ тормазомъ для развитія капиталистическаго производства въ европейскомъ земледѣліи является то обстоятельство, что затраченный въ сельскомъ хозяйствѣ капиталъ приводитъ въ движеніе рабочую силу и извлекаетъ изъ нея прибавочную стоимость лишь въ теченіе небольшой части года и, такимъ образомъ, въ теченіе значительнаго времени лежитъ непроизводительно. Это должно вліять на сокращеніе прибыли земледѣльческаго капитала. Правда, капиталистическій строй знаетъ могучее средство уравниванія прибылей: это переходъ капиталовъ изъ одной отрасли производства въ другую. Продукты той отрасли производства, изъ которой часть капиталовъ перекочевала въ другую, производятся и поступаютъ на рынокъ въ уменьшенномъ противъ прежняго количествѣ; для нихъ создается поэтому болѣе благопріятное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Отсюда, при неизмѣняющихся издержкахъ производства, являются болѣе высокія цѣны, и, слѣ-

*) К. Марксъ, „Капиталъ“, 7 III стр. 667.

довательно, болѣе высокая прибыль. Обратный процессъ долженъ наблюдаться въ тѣхъ отрасляхъ производства, куда перекочевала часть капиталовъ, отлившихъ отъ данной отрасли. Такимъ образомъ, остальныя отрасли производства какъ бы дѣлятся съ нею своими болѣе высокими прибавочными стоимостями—такъ осуществляется своеобразная, чисто стихійная „круговая порука“ различныхъ отраслей капитализма. Не можетъ-ли и земледѣліе воспользоваться этою круговою порукой? Если бы оно и могло ею воспользоваться, то способъ для этого былъ бы одинъ—отступленіе съ цѣлаго ряда занятыхъ капитализмомъ позицій, причемъ, конечно, оставленныя позиціи не замедлило бы занять мелко-крестьянское или мелко-арендаторское производство, имѣющее главною цѣлью собственное потребленіе. При пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ, какъ показываютъ факты, въ странахъ классическаго капитализма и происходитъ нерѣдко указанное отступленіе крупнаго *капиталистическаго* производства передъ мелкимъ, что снова даетъ поводъ сторонникамъ мелкаго производства истолковывать факты въ смыслѣ преимуществъ мелкаго производства надъ крупнымъ. Но и этимъ путемъ капиталистическое земледѣліе не можетъ добиться своего и прочно утвердиться по крайней мѣрѣ въ части неоставленныхъ позицій. Дѣло въ томъ, что на международный рынокъ выступили страны тропическія, не знающія такого „мертваго сезона“, который, по климатическимъ условіямъ, составляетъ необходимую принадлежность для сельскаго хозяйства классическихъ странъ капитализма Европы. Кромѣ отсутствія этого неблагопріятнаго условія, эти новыя страны обладаютъ еще дѣвственной нетронутой почвой *). Все это вмѣстѣ взятое не позволяетъ устано-

*) Марксъ говоритъ (Кап. III, 553), что даже „относительно менѣе плодородная почва, которая, однако, только что стала воздѣлываться и пока еще не была тронута культурой, при несовсѣмъ неблагопріятныхъ условіяхъ климата накопила, по крайней мѣрѣ въ самыхъ верхнихъ слояхъ, столько легко усвояемаго матеріала для питанія растеній, что долго еще продолжаетъ давать урожаи безъ удобренія, даже при самой поверхностной обработкѣ. Въ западныхъ преріяхъ (Новаго свѣта) къ этому присоединяется еще то, что онѣ почти не требуютъ издержекъ на воздѣлываніе; объ этомъ позаботилась сама природа“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Энгельсъ прибавляетъ: „воздѣлываніе этихъ степей, прерій, пампасовъ и т. д. еще только началось; вліяніе переворота, производимаго имъ только на европейское сельское хозяйство, даетъ себя знать, слѣдовательно еще иначе, чѣмъ это было до сихъ поръ“.

вить въ земледѣліи путемъ перекочеванія капиталовъ достаточно высокихъ цѣнъ, а, наоборотъ, оказываетъ сильнѣйшее давленіе въ смыслѣ ихъ пониженія.

„Океанскіе пароходы и сѣверо - и южно - американскія и индійскія желѣзныя дороги поставили совершенно особенныя земли въ такое положеніе, что онѣ получили возможность конкуррировать на европейскихъ рынкахъ. Съ одной стороны это сѣверо-американскія преріи, аргентинскіе пампасы, степи, самою природою предназначенные для запашки..... Затѣмъ это были земли русскихъ и индійскихъ общинъ, которые принуждены были продавать часть своего продукта, и именно часть, постоянно возрастающую, для того, чтобы пріобрѣсти деньги на уплату податей. Продукты эти продаются по цѣнамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ стоимости производства, по цѣнамъ, которыя даютъ торговцы, такъ какъ крестьянину ко времени платежа податей деньги безусловно нужны. И противъ такой конкурренціи — какъ дѣвственныхъ степныхъ земель, такъ и русскихъ и индійскихъ крестьянъ, находящихся подъ давленіемъ непосильныхъ податей, — европейскій арендаторъ и крестьянинъ при прежнихъ размѣрахъ рентъ оказался безсиленъ. Часть земель въ европейскихъ странахъ совершенно перестала воздѣлываться подъ зерновые продукты, рента повсюду понизилась .... понижающія цѣны и понижающаяся производительность дополнительныхъ затратъ капитала стала въ Европѣ явленіемъ обычнымъ. Отсюда вопли аграріевъ, раздающіеся отъ Шотландіи до Италіи и отъ Южной Франціи до Восточной Пруссіи. Еще далеко не всѣ степныя пространства находятся подъ запашкой; ихъ имѣется еще достаточно для того, чтобы разворить все крупное европейское земледѣліе, а вдобавокъ и мелкое *).

Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть, что тогда какъ прибыль фабриканта въ худшемъ случаѣ дѣлится на двѣ доли — % на занятой капиталъ и собственно предпринимательскій доходъ — въ сельскомъ хозяйствѣ прибавляется еще новый дольщикъ — землевладѣлецъ, который обычно пользуется, по окончаніи аренднаго срока, всѣми улучшеніями, вложенными въ землю не имъ, а арендаторомъ. Отсюда его тенденція сокращать сроки арендъ, а тенденція арендатора „ограничивать производительныя затра-

*) Марксъ, Капиталъ т. III, стр. 598.

ты капитала" *). Поэтому "земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной степени развитія она оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства **).

„Положительною миссіею" капитализма признается, какъ извѣстно, созданіе новаго общественнаго класса, которому предстоитъ великая историческая роль—рабочаго пролетаріата. Но и въ этомъ отношеніи земледѣльческій капитализмъ не оправдываетъ того неосновательнаго оптимизма, которымъ отличаются люди, ослѣпленные гигантскимъ расцвѣтомъ капитализма въ другихъ отрасляхъ производства, особенно въ передовыхъ странахъ. То отношеніе, та пропорція, въ которой относятся другъ къ другу отрицательныя и положительныя стороны земледѣльческаго капитализма, и въ этомъ пунктѣ крайне неблагопріятны, въ смыслѣ рѣшительнаго перевѣса первыхъ надъ послѣдними. Въ самомъ дѣлѣ, въ земледѣліи капитализмъ можетъ дать занятіе рабочимъ лишь въ теченіе части года. Поэтому рабочія руки — и притомъ именно лучшія рабочія руки — отливаютъ отъ земледѣлія, избѣгаютъ его. Недостатокъ въ рабочихъ составляетъ постоянный предметъ жалобъ аграріевъ. Земледѣльческій рабочій не можетъ существовать на одну заработную плату и поэтому нуждается въ какомъ нибудь подсобномъ источникѣ существованія, наприм., въ собственномъ клочкѣ земли. Отсюда ублюдочныя формы—полупролетаріи, полусобственники — формы, которыя даже нерѣдко создаются искусственно въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ отсутствуютъ исторически ***).

К. Марксъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ здѣсь на основаніи данныхъ англійскаго народнаго хозяйства, что „разсѣяніе сельскихъ рабочихъ на большихъ пространствахъ *ослабляетъ* силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе городскихъ рабочихъ—увеличиваетъ ее ****). „Капиталистическое производство... разрушаетъ физическое здоровье городскихъ рабочихъ и *духовную жизнь*—сельскихъ *****).

---

*) Капиталъ, III, 510—511 и 671.

**) Капиталъ, III, стр. 513.

***) Мы имѣемъ здѣсь въ виду т. н. „allotment system"—„участковую систему"—систему надѣленія рабочихъ семей подъ огороды и т. п. съ цѣлью, привязать ихъ къ мѣсту, а, пожалуй, и понижать заработную плату.

****) Капиталъ, т. I, изд. 2-е, стр. 441.

*****) Ibidem, см. выше.

Одинъ изъ русскихъ марксистовъ попытался опредѣлить численность сельскаго пролетаріата, уже имѣющагося въ Россіи, и пришелъ при этомъ къ слѣдующимъ, интереснымъ для насъ выводамъ практическаго характера. Опредѣливъ его отъ 2 до 8% населенія, этотъ экономистъ прибавляетъ: „но процентныя отношенія даютъ иногда ложныя представленія объ явленіяхъ, внѣ соотношенія съ абсолютными числами. Когда говорится о 2% стомилліоннаго населенія, то возникаетъ иллюзія, будто эти 2% представляютъ 2-хъ-милліонный деревенскій пролетаріатъ съ рѣзко выраженными классовыми интересами. Но мы знаемъ, что эти пролетаріи разсѣяны по деревнямъ... О развитіи пролетарскаго классового духа (proletarisches Klassenbewustsein) въ современной русской деревнѣ не можетъ быть и рѣчи“ *). Если бы кто-нибудь возразилъ, что это только *пока* — то мы сослались бы на приведенныя выше слова Маркса, говорившаго о странѣ классическаго капитализма—Англіи. И въ послѣдней такъ же, какъ и въ Россіи, земледѣльческій капитализмъ не выполнялъ главной своей „исторической миссіи“.

При такомъ взглядѣ на роль капитализма въ земледѣліи, естественно было искать другихъ путей обобществленія труда въ земледѣліи,— разъ такое обобществленіе признавалось въ конечномъ счетѣ неизбѣжнымъ. Тѣ, кто вѣрили въ конечное торжество крупнаго производства надъ мелкимъ, обобществленнаго надъ раздробленнымъ и не видѣли пути къ этому въ капитализмѣ, признавали необходимость другого пути обобществленія, не сверху, а снизу. Сознательно или безсознательно, хорошо или плохо формулированная идея эта лежала, однако, въ основѣ всѣхъ передовыхъ демократическихъ программъ русской интеллигенціи, начиная съ 60-хъ годовъ и кончая нашимъ временемъ. Жизнь развивалась, отношенія осложнялись; уроки дѣйствительности заставляли видоизмѣнять и дополнять программы; живое общеніе съ западно-европейской философской и общественной мыслью заставляло измѣнять пріемы аргументаціи и обосновки программы. Но до сихъ поръ въ ней осталась неприкосновенной одна идея — о томъ, что обобществленіе труда возможно не только капиталистическимъ путемъ, сверху, а можетъ быть самостоятельнымъ дѣломъ не капиталистическихъ производителей,

*) И. Гуревичъ „Экономическое положеніе русской деревни“, стр. 139.

можетъ быть совершено снизу. Причемъ, конечно, тотчасъ-же возникаетъ вопросъ о необходимыхъ предварительныхъ внѣшнихъ условіяхъ, безъ которыхъ также невозможно думать объ „обобществленіи“, какъ вливать новое вино въ старые мѣха. Игнорируя внѣшнія условія — хотя, по мнѣнію иныхъ, они не болѣе, какъ *надстройка* надъ экономическимъ фундаментомъ, — мы рискуемъ прочесть вмѣсто слова „обобществленіе“, другое — „закрѣпощеніе“. Если при помощи круговой поруки можно превратить въ орудіе закрѣпощенія общину, то почему же нельзя для той же цѣли приспособить и земледѣльческую артель? Вотъ почему за общиной и артелью русская демократическая мысль нынѣшняго времени не забываетъ и тѣхъ „надстроекъ“, тѣхъ „внѣэкономическихъ сферъ“, которыя составляютъ существенную и нераздѣльную часть всякой реальной дѣйствительности. Вотъ почему она и не говоритъ: идите къ народу помогать ему устраивать свою хозяйственную жизнь на раціональныхъ началахъ, организуйте артели и кооперації, а все прочее приложится.

Это отступленіе было необходимо, такъ какъ иначе, пожалуй, наши слова могли бы подвергнуться перетолкованіямъ, вродѣ того, что мы будто бы, ждемъ ничего иного, какъ „обобществленія труда“... бюрократическими средствами. Былъ же подобный пріемъ однажды пущенъ уже въ ходъ противъ одного изъ сотрудниковъ „Русскаго Богатства“, г. Николая — она.

Во избѣжаніе всякихъ возможныхъ недоразумѣній, мы должны заявить, что стоимъ совершенно на точкѣ зрѣнія К. Маркса, какъ она выражена была имъ приблизительно за годъ до смерти, въ предисловіи къ одному изъ изданій второго коллективнаго труда Маркса-Энгельса. Предисловіе это, написанное въ Лондонѣ и помѣченное 21-го января 1882 года, гласитъ слѣдующее: „Задачей настоящаго труда было провозгласить неизбѣжно предстоящее разложеніе современной буржуазной собственности. Но рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, въ Россіи мы находимъ большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Спрашивается теперь: можетъ ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землей, непосредственно перейти въ высшую коллективную форму землевладѣнія? Или, напротивъ, она должна прой-

ти сначала тотъ же процессъ разложенія, который опредѣлилъ собою историческое развитіе Запада? Единственный, возможный въ настоящее время отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Если измѣненіе народно-хозяйственной системы въ Россіи произойдетъ одновременно съ аналогичнымъ измѣненіемъ на Западѣ, такъ что оба они пополнятъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе *можетъ* *) явиться исходнымъ пунктомъ высшаго общественнаго развитія". Итакъ, *можетъ* — только, разумѣется, не путемъ бюрократическаго регламентированія, а совершенно инымъ.

Основывая свою точку зрѣнія на Марксѣ, мы, однако, не думаемъ отрицать, что на Марксѣ же обосновываютъ (и могутъ обосновывать!) свои взгляды и представители другой точки зрѣнія, діаметрально противоположной нашей,— точки зрѣнія, съ которой капитализмъ вездѣ и всюду долженъ быть чистилищемъ, черезъ которое можно проникнуть въ Элизіумъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ самомъ коллективномъ трудѣ Маркса-Энгельса, предисловіе къ которому мы цитировали, читаемъ: „Изъ всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно исторически-прогрессивный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности; пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои — мелкіе купцы и промышленники, ремесленники, *крестьяне* **)—всѣ они борятся противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Даже болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ исторически-прогрессивное значеніе, то *лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата*, поскольку они защищаютъ *не современные* интересы, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата".

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ словъ съ полнымъ правомъ можно вывести, что всякая защита *современныхъ* интересовъ крестьянъ, какъ производителей, есть дѣло реакціонное, тогда какъ изъ ранѣе цитированныхъ словъ Маркса, наоборотъ приходилось

*) Курсивъ здѣсь и далѣе нашъ.

**) Курсивъ нашъ.

вывести, что сохраненіе крестьянъ и особенно ихъ общинной собственности можетъ послужить „исходнымъ пунктомъ высшаго общественнаго развитія“. Однако, и то—Марксъ, и это—Марксъ. Обѣ спорящія стороны въ защиту діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія на крестьянство равнымъ образомъ могутъ опираться на авторитетъ великаго ученія, хотя ясно, что не могъ же на самомъ дѣлѣ Марксъ держаться одновременно двухъ противоположныхъ мнѣній по одному и тому же вопросу. Въ чемъ другомъ, а ужъ въ непослѣдовательности, въ эклектизмѣ Марксъ повиненъ не былъ.

Положеніе было бы безвыходнымъ, если бы... если бы, слова, на которыя ссылаются нео-марксисты, не были написаны въ 1848 году, тогда какъ тѣ, на которыя опираемся мы, написаны приблизительно за годъ до смерти Маркса, въ 1882 году, и, слѣдовательно, могутъ быть приняты за окончательное мнѣніе Маркса. Итакъ, мы полагаемъ, что за періодъ 1848—1882 г.г. взгляды Маркса подверглись существенному видоизмѣненію. Нѣтъ ли какого-нибудь другого права предположить это, кромѣ видимаго противорѣчія, приведеннаго нами выше? Не сознавались же сами Марксъ-Энгельсъ въ томъ, что они не на всѣхъ пунктахъ остались вѣрными тому, что высказывали въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Дѣйствительно,—что взгляды Маркса и Энгельса эволюціонировали, особенно въ періодъ 1843—1845 г.г. и что они продолжали эволюціонировать и далѣе—признается и нео-марксистами (см. особенно у Nóvus'a „На разныя темы“, „Нов. Слово“, мартъ 1897 г.). Но при этомъ они отмѣчаютъ только эволюцію этихъ взглядовъ въ оцѣнкѣ жизнеспособности и положительныхъ сторонъ капиталистическаго строя. До конца 40-хъ г.г. Марксъ и Энгельсъ полагали, что эластичность мірового рынка напряжена до послѣдней степени и что дни капитализма сочтены; отсюда уклоненіе ихъ міросозерцанія въ сторону формулы—„чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Если въ сочиненіяхъ Маркса (въ томъ числѣ и въ I т. „Капитала“) и звучитъ постарому еще „нотка о вырожденіи, какъ объ одномъ изъ условій экономическаго преобразованія“, говоритъ г. Novus, то это еще „слабое переживаніе утопизма, маленькій осколокъ утопической скорлупы“. „Исторія уяснила“—писалъ Ф. Энгельсъ въ 1895 г.—„что европейскій континентъ тогда (въ 1848 г.) вовсе не достигъ еще

той степени историческаго развитія, на которой возможно устраненіе капиталистическаго производства; она доказала это экономическимъ переворотомъ, который съ 1848 г. охватилъ весь континентъ и, дѣйствительно, насадилъ крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ и за послѣднее время въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлалъ прямо-таки первоклассную промышленную страну".

Но не въ этомъ только отношеніи въ 40-хъ г.г. Марксъ и Энгельсъ уклонились въ сторону формулы „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". Они недостаточно оцѣнивали не только жизнеспособность капитализма, но и жизнеспособность крестьянства. Въ самомъ дѣлѣ, въ цитированномъ выше трудѣ ихъ можно прочесть слѣдующее, напримѣръ, любопытное мѣсто. Защищая себя и своихъ единомышленниковъ отъ обвиненія въ желаніи уничтожить собственность, основанную на личномъ трудѣ, „собственность, служащую основаніемъ личной свободы, самодѣятельности и самостоятельности — Марксъ-Энгельсъ отвѣчаютъ: говорите ли Вы о мелкой мѣщанской и *крестьянской* собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Намъ нечего уничтожать ее, развитіе крупной промышленности *уже уничтожило ее или уничтожаетъ ежедневно*".

Итакъ, еще въ 1848 г., по свидѣтельству двухъ высокихъ авторитетовъ, было безповоротно проиграно дѣло крестьянства. Крестьянская собственность была „уже уничтожена" или по крайней мѣрѣ „уничтожалась ежедневно". И, однако, мы видимъ что „почти уничтоженная" въ 1848 г. крестьянская собственность попрежнему жива, несмотря на всѣ зловѣщія предсказанія. Да недаромъ лицо, которое никакъ нельзя заподозрить въ „народничествѣ" — вождь бельгійской рабочей партіи Вандервельдъ — по поводу возобновленія въ наше время всѣхъ тѣхъ же безконечныхъ разговоровъ о неминуемой гибели мелкаго земледѣлія и землевладѣнія крестьянъ вспомнилъ анекдотъ о томъ педантѣ-докторѣ, который приговорилъ своего паціента къ скорой смерти и затѣмъ, долго спустя, встрѣтивъ его на улицѣ живымъ и здоровымъ, замахалъ на него руками и закричалъ: „уходите, уходите съ моихъ глазъ! для науки вы давно умерли"! Въ противоположность инымъ изъ своихъ послѣдователей, Карлъ Марксъ не былъ похожъ на этого педанта-доктора. И вотъ почему, несмотря на то, что въ 1848 г. онъ самымъ рѣшитель-

нымъ образомъ утверждалъ, что ступень пролетаризаціи необходимо должна быть пройдена крестьяниномъ для того, чтобы онъ могъ войти въ „государство будущаго“ свободной поступью, а не притянутымъ за шиворотъ — черезъ 35 лѣтъ тотъ же Марксъ не менѣе рѣшительно и категорически призналъ для русской общины возможность при извѣстныхъ условіяхъ непосредственно перейти въ высшую форму общественнаго развитія, минуя процессъ, разложенія, совершившійся повсюду на Западѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что эта послѣдняя точка зрѣнія гораздо болѣе предыдущей гармонируетъ съ той оцѣнкой положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ капитализма въ земледѣліи, которая сдѣлана Марксомъ въ I и III томахъ „Капитала“. Еще болѣе рельефно обрисовывается тотъ же процессъ постепенной эволюціи взглядовъ на крестьянство у Фр. Энгельса.

Въ Германіи еще не такъ давно былъ опубликованъ документъ, чрезвычайно ярко характеризующій общее настроеніе и психологію Энгельса въ томъ самомъ 1848 г., когда вышло въ свѣтъ и сочиненіе, цитированное нами выше. Мы говоримъ о „Путевыхъ замѣткахъ“ Энгельса, относящихся къ его путешествію въ 1848 г. пѣшкомъ по Франціи, отъ Парижа до Берна. Моментъ, выбранный имъ для путешествія, былъ въ высшей степени замѣчательный. Во Франціи только что впервые поднято было знамя „соціальной“ республики. Рабочій Парижъ, весь охваченный энтузіазмомъ, какого страна еще не переживала съ 1789 г., готовъ былъ встать на защиту своего прекраснаго миража, какъ одинъ человѣкъ, и помѣряться силами не только со всею Франціей, но и съ цѣлымъ свѣтомъ, поскольку онъ еще находился во власти „темныхъ, отжившихъ силъ“. Перепуганная буржуазія бредила „краснымъ призракомъ“ и не знала, въ чьи объятія броситься, гдѣ и въ комъ искать спасенія. Дворянство, высшее духовенство, чиновники стараго режима конспирировали противъ республики. Крестьянство глядѣло съ недовѣріемъ и опасеніями на новыхъ господъ положенія. Изъ-за спины реакціонныхъ силъ къ республикѣ уже протягивались руки Бонапарта,—а горделивый, свободолюбивый Парижъ безстрашно и беззаботно поднималъ новое знамя и не только былъ чуждъ сознанія непрочности своего собственнаго положенія, а даже во всеуслышаніе предлагалъ руку братской помощи всѣмъ другимъ народамъ, которые бы рѣшились послѣдовать примѣру французскаго. Немуд-

рено, что на Францію, на Парижъ было обращено вниманіе всего міра, и въ особенности людей передовыхъ партій. Всѣ бредили Франціей, бредили Парижемъ; и его смѣлой попыткѣ приписывали грандіозное историческое значеніе самые глубокіе и прозорливые люди политической жизни... Фердинандъ Лассаль считалъ вступленіе въ составъ временнаго правительства рабочаго Альбера самымъ замѣчательнымъ событіемъ эпохи и усматривалъ въ немъ восходящую зарю совершенно новаго историческаго періода. Самымъ восторженнымъ образомъ отзывается о Парижѣ и Энгельсъ: „Парижъ—да это единственный въ мірѣ городъ, въ немъ соединены всѣ нервныя нити исторіи. Отсюда черезъ извѣстные промежутки времени раздаются электрическіе удары, отъ которыхъ дрожитъ весь свѣтъ. Это сердце и мозгъ всего свѣта, по счастливому выраженію Луи Блана!“ Но чѣмъ сильнѣе были надежды, тѣмъ тяготнѣе должно было быть разочарованіе, чѣмъ сильнѣе увлеченіе—тѣмъ сильнѣе и реакція. Всѣ эти настроенія отражались въ высшей степени и на Энгельсѣ, тѣмъ болѣе, что трагическая исторія Парижа 48 года разыгралась передъ самыми его глазами. Онъ видѣлъ Парижъ во время медоваго мѣсяца республики, „когда рабочіе—эти полные надеждъ глупцы—жертвовали республикѣ тремя мѣсяцами нужды: днемъ ѣли черствый хлѣбъ, а вечеромъ сажали на бульварахъ деревья свободы, распѣвая марсельезу“... Увидѣлъ онъ лицомъ къ лицу Парижъ и позднѣе, въ октябрѣ, когда между двумя враждебными странами уже „лежали іюньскіе дни, море крови и пятнадцать тысячъ труповъ... Въ школѣ осаднаго положенія своенравная республика научилась быть кроткой, умѣренной и послушной... Но Парижъ былъ мертвъ—это не былъ болѣе Парижъ... Тотъ же городъ, но только безъ того духа жизни, огня, безъ того фермента, который вносилъ въ него рабочій. Да, Парижъ былъ мертвъ, и этотъ прекрасный трупъ былъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ прекраснѣе онъ былъ“!..

Отойдя отъ событія на извѣстное историческое разстояніе, конечно не трудно разбираться довольно хладнокровно въ общемъ ходѣ событій, въ неизбѣжной логикѣ фактовъ, разыскивать скрытыя подъ ними пружины, словомъ—понять данный процессъ, какъ вполнѣ естественный, объяснимый цѣлымъ рядомъ общихъ стихійныхъ причинъ, независимыхъ отъ злой или доброй воли участниковъ. Но это именно точка зрѣнія посторонняго

Библиотека

наблюдателя, чуждаго тому, что происходило на исторической аренѣ. На иную точку зрѣнія становятся тѣ, кто принималъ непосредственное участіе въ происходившемъ, переживалъ его всѣми нервами своего существа. Ихъ точка зрѣнія—точка зрѣнія субъективной логики, точка зрѣнія правоты однихъ и вины другихъ, словомъ,—точка зрѣнія *нравственнаго суда.* Для нихъ важны въ данный моментъ не столько нити закономѣрнаго сплетенія событій, сколько ихъ субъективное значеніе—успѣхъ или неуспѣхъ извѣстнаго стремленія, извѣстной попытки группы или лица, доблесть одного, вольный и невольный грѣхъ другого. Надъ прекраснымъ трупомъ Парижа—кумира всѣхъ передовыхъ элементовъ своего времени—прежде всего поднимался вопросъ: *кто виноватъ?* На кого ложится *отвѣтственность* за его смерть?

Да, кто виноватъ? Что же молчала страна при этомъ возмутительномъ зрѣлищѣ? Зачѣмъ она не вступилась за Парижъ, „сердце и мозгъ свѣта"? Съ такими вопросами двинулся Фр. Энгельсъ пѣшкомъ въ глубину страны.

И онъ нашелъ виноватаго. Виноватымъ оказалось *крестьянство.* И мудрено-ли? Что могъ найти во французской деревни Энгельсъ, участникъ кипучей политической жизни столицъ, въ которыхъ вѣчно „шумъ, гремятъ витіи, кипитъ словесная война",—что онъ могъ увидать тамъ, въ тѣхъ глубинахъ страны, которыхъ очень мало или только поверхностно коснулось столичное движеніе? Да, въ лучшемъ случаѣ ту старую „вѣковую тишину", о которой говоритъ поэтъ. А въ худшемъ... Но о худшемъ случаѣ пусть разсказываетъ намъ самъ Ф. Энгельсъ. „Что могъ знать *тупоумный, ограниченный крестьянинъ* о пролетаріатѣ и буржуазіи, о демократически-соціальной республикѣ, объ „организаціи труда",—о вещахъ, основныя условія и элементы которыхъ никогда не встрѣчаются въ его селѣ. И когда черезъ грязный каналъ буржуазныхъ листковъ онъ получалъ смутное понятіе о томъ, что происходило въ Парижѣ, когда буржуазія бросила ему громкій пароль противъ партіи рабочихъ—„ce sont les partageurs", это—люди, которые хотятъ отнять у тебя и раздѣлить имущество и землю,—тогда ярость крестьянъ не знала предѣловъ...

„Я говорилъ съ сотнями крестьянъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Франціи и вездѣ господствуетъ тотъ же фантастическій антогонизмъ противъ Парижа и парижскихъ рабочихъ. „Мнѣ

хотѣлось-бы, чтобы этотъ проклятый Парижъ взлетѣлъ на воздухъ!" было самымъ кроткимъ желаніемъ. Понятно, что у крестьянъ старое презрѣніе къ городамъ подкрѣпилось и увеличилось событіями этого года. Крестьяне, деревня должны спасти Францію. Деревня производитъ все: города живутъ нашимъ зерномъ, одѣваются въ нашъ ленъ и нашу шерсть; мы должны возстановить нормальный порядокъ вещей: мы, крестьяне, должны взять дѣло въ наши руки—вотъ вѣрный припѣвъ, который звучитъ все болѣе или менѣе отчетливо, болѣе или менѣе сознательно во всѣхъ спутанныхъ разговорахъ крестьянъ. А какъ хотятъ спасти они Францію? Какъ хотятъ они взять въ свои руки это дѣло? Выбравъ президентомъ республики Луи-Наполеона-Бонапарта, ничтожнаго, но гордаго сумасброда, у котораго только и есть, что то великое имя, которое онъ носитъ!.. У всѣхъ крестьянъ, съ которыми я говорилъ, энтузіазмъ къ Луи-Наполеону былъ столь же великъ, какъ и ненависть къ Парижу. Этими двумя страстями и самымъ *безсмысленнымъ, самымъ животнымъ изумленіемъ* передъ обще-европейскимъ потрясеніемъ ограничилась вся политика крестьянъ...

„Нужно пробыть двѣ недѣли только съ крестьянами, съ крестьянами самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Франціи, нужно имѣть случай находить вездѣ ту же самую тупую ограниченность, ту же самую слѣпоту въ политикѣ, то же самое полное незнаніе городскихъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеній, то же самое „тыканіе пальцемъ въ небо" во всемъ, что выходитъ изъ узкаго круга села, то же самое приложеніе масштаба крестьянскихъ отношеній къ величайшимъ историческимъ отношеніямъ—словомъ, нужно знать французскаго крестьянина именно въ 1848 г., чтобы испытать вполнѣ то подавляющее впечатлѣніе, которое оставляла эта *упрямая глупость*".

Энгельсъ не прочь иронически признать въ мужикѣ „нѣкоторыя патріархальныя добродѣтели", но „мужикъ всегда остается мужикомъ", это „варваръ среди цивилизаціи", „тупоумный, ограниченный крестьянинъ", который, почти что не умѣя лѣвой руки отличить отъ правой, „съ полнымъ бѣшенствомъ слѣпой жадности" набрасывается на то, чего не понимаетъ,—на великое историческое освободительное движеніе..,

Иного отношенія къ крестьянству трудно было, конечно, и ожидать отъ человѣка, лучшимъ надеждамъ котораго подавленіе

парижскаго движенія только что нанесло очень серьезный и жестокій ударъ. Ему-ли, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого удара, быть безпристрастнымъ судьей въ еще свѣжемъ спорѣ Парижа со всей Франціей? Нѣтъ, онъ не холодный изслѣдователь, парящій надъ событіями съ такой высоты, которой не достигаютъ затронутыя борьбой и еще не остывшія страсти, интересы и предпочтенія... Онъ живой человѣкъ, онъ самъ принадлежитъ этой борьбѣ, всѣ его симпатіи, всѣ лучшія чувства безпредѣльно отданы Парижу... Онъ не поставитъ въ высшей степени серьезнаго вопроса: а кто виноватъ въ томъ, что французское крестьянство получало свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Парижѣ, только „черезъ грязный каналъ буржуазныхъ листковъ“? Кто виноватъ въ томъ, что въ то время, когда буржуазія, сознавая громадную стихійную силу крестьянства, всѣми силами возстановляла крестьянъ противъ рабочихъ—эти послѣдніе, при звукахъ марсельезы, сажали деревья свободы *на парижскихъ бульварахъ*...

Ф. Энгельсу не приходила въ умъ мысль, впослѣдствіи такъ хорошо выраженная Лассалемъ въ одной изъ его рѣчей рабочимъ: „господа служители стараго порядка *практики*, а не *краснобаи*: но такихъ практическихъ служителей нужно пожелать и вамъ“. Въ 1848 году рабочее дѣло во Франціи еще не имѣло, да еще и не могло имѣть такихъ практическихъ служителей,—для этого тогдашнее движеніе было еще слишкомъ молодо и незрѣло. Это были только первые проблески нарождавшагося движенія, та „мятежная юность“ его, которая готова беззавѣтно, самоотверженно взвалить, подобно Атланту, на одни собственныя молодыя плечи весь небесный сводъ, которая гордо стремится дать странѣ свободу и счастье, хотя бы не только безъ ея участія, но даже и противъ ея собственной воли... И мудрено-ли, что крестьянство возроптало? Чего оно могло ожидать отъ новаго движенія? Чего ему это движеніе обѣщало и что оно ему дало въ краткую эпоху своего господства?

Оно дало ему... не болѣе, не менѣе, какъ увеличеніе поземельнаго налога на 45 сантимовъ. Увеличеніе налога на землю, т. е. налога на средство производства, а стало быть, косвеннымъ образомъ налога на трудъ! Даже въ то время Энгельсъ не могъ не отмѣтить, что этимъ республиканское правительство „сдѣлало непростительную ошибку“. Но онъ тотчасъ же находитъ

необыкновенно легкое утѣшеніе, заявляя, что это въ сущности, не такъ важно, это все-таки частность; если бы правительство и не съумѣло „на пару мѣсяцевъ“ привлечь крестьянъ на свою сторону, они все равно отпали бы, только немного позже—разница могла быть лишь во времени. Изъ этого факта Энгельсъ въ то время не могъ еще сдѣлать того вывода, что первой и главной причиной погибели 1848 года была его собственная нерѣлость, а не посторонняя вина. Стать на такую точку зрѣнія онъ смогъ только гораздо позднѣе...

Но уже и въ то время признаковъ незрѣлости начавшагося движенія было немало. Приведемъ еще примѣръ изъ замѣтокъ Энгельса. Въ одной деревнѣ Энгельсъ едва не пристроился къ артели парижскихъ рабочихъ, занятыхъ постройкой плотины. И вотъ какими нашелъ ихъ нашъ авторъ. „Они сохранили веселость, бодрость духа парижанъ, но въ общемъ, благодаря своей изолированности въ маленькой деревушкѣ, они были совершенно деморализованы. Не было признака, чтобы они занимались интересами своего класса, въ тѣсной связи съ которыми находились политическія злобы дня. Кажется, они даже не читали никакой газеты. Вся ихъ политика ограничивалась насмѣшливыми прозвищами. Одного, большого и сильнаго оборванца звали Коссидьеромъ, другого—плохого работника и пьяницу—Гизо и т. д. Утомительная работа, сравнительно хорошія условія жизни и главнымъ образомъ оторванность отъ Парижа и то, что они попали въ отрѣзанный отъ остального міра тихій уголокъ Франціи—замѣчательно сузилъ ихъ кругозоръ. Они начали уже *омужичиваться*... А они здѣсь были только два мѣсяца“.

Такимъ образомъ, чуть ли не мужики оказались виноваты въ томъ, что у парижскихъ рабочихъ въ два мѣсяца настолько основательно вывѣтрились изъ головы всякія идеи, нахватанныя въ Парижѣ, что „не было уже никакого признака“ мыслей объ интересахъ своего класса.

Конечно, всякій безпристрастный изслѣдователь могъ бы только сдѣлать выводъ отсюда тотъ, что парижское рабочее движеніе того времени въ значительной мѣрѣ было еще стихійнымъ, стаднымъ, носило всѣ признаки мало-сознательнаго увлеченія массовой заразой. Достаточно было порвать мѣсяца на два связь съ Парижемъ—и рабочіе не только не оказывались способными освѣтить лучемъ сознанія ту тьму, въ которой бродили крестья-

не, но даже охладѣвали и сами.

Мудрено-ли, что въ то время не могли раздаваться голоса о необходимости союза, сближенія между рабочими и крестьянами? Мудрено-ли, если въ то время болѣе естественнымъ было появленіе совѣтовъ отстраниться отъ крестьянина, какъ отъ чумы, какъ отъ заразы, вродѣ позднѣйшей, краткой и выразительной русской формулы „съ вами не сольешься а сопьешься"! Но если не рабочіе, то кто же еще могъ просвѣтить крестьянъ? Съ какими представителями новаго теченія могли они еще встрѣтиться? Только со случайными туристами, вродѣ того-же Энгельса. Не говоря уже о томъ, что подобныя мимолетныя встрѣчи не могли оставлять болѣе глубокаго и прочнаго впечатлѣнія даже при самомъ лучшемъ отношеніи къ крестьянству со стороны г.г. туристовъ,—часто оставляло желать много лучшаго самое это отношеніе... Крайне характернымъ въ этомъ смыслѣ является разсказанный самимъ Энгельсомъ про себя слѣдующій эпизодъ. Очень гостепріимно встрѣченный въ одномъ деревенскомъ домишкѣ, нашъ путешественникъ слѣдующимъ образомъ оплачиваетъ своимъ хозяевамъ за ихъ гостепріимство. „Уходя, я нарисовалъ въ подарокъ дѣтямъ нѣсколько рожъ и пресерьезнымъ образомъ объяснилъ: это Луи-Наполеонъ, это—Арманъ-Марра, это—Ледрю-Ролленъ, это—Кавеньякъ.—Крестьяне, вытаращивши глаза, уставились на ужасныя рожи и съ величайшимъ почтеніемъ, радостно благодарили и тотчасъ же прибили поразительно похожіе портреты на стѣну". А Энгельсъ отправился дальше, отмѣчая съ высоты столичнаго величія столь несомнѣнные признаки безнадежнаго тупоумія грубой деревенщины... Но время было такое, что ожесточеніе передовыхъ представителей западно-европейской жизни и мысли противъ крестьянства, деревни простиралось и дальше такихъ насмѣшекъ. Оно достигало такой степени, что была возможна даже проповѣдь необходимости въ будущемъ крестоваго похода пролетаріата противъ крестьянъ... Въ самомъ дѣлѣ, Энгельсъ писалъ, между прочимъ, даже такія слова: „Отношеніе крестьянъ къ революціи 1848 года не есть слѣдствіе ошибокъ и случайныхъ недоразумѣній: оно естественно. Оно исходитъ изъ самого положенія вещей, изъ общественнаго положенія мелкой земельной собственности. Французскому пролетаріату, прежде чѣмъ онъ проведетъ свои требованія, *придется подавить всеобщую крестьянскую войну*, войну, которую даже уничтоженіе ипо-

течныхъ долговъ отложитъ лишь на короткое время".

Смыслъ сказанныхъ приблизительно въ это же время словъ о неизбѣжной реакціонности крестьянина, какъ такового, теперь передъ нами выясняется вполнѣ, высказанный такъ рѣшительно, такъ категорически и такъ откровенно, какъ никогда. Понятно становится также и то, почему столь видное мѣсто въ первоначальной программѣ марксизма сразу заняло утвержденіе, что крестьянская собственность „ежедневно уничтожается" и даже уже почти уничтожена. Если предвидѣть въ будущемъ вооруженную борьбу между городомъ и деревней, то вѣра въ „ежедневное уничтоженіе" крестьянства, конечно, представляетъ большое облегченіе.

Но дѣйствительность сильнѣе всякой теоріи. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ героической, но безумной попытки Парижа дать, вопреки волѣ остальной Франціи, торжество своимъ неяснымъ, но горячимъ коллективистскимъ стремленіемъ, въ странѣ вспыхнула снова „гражданская война", въ то самое время, когда прусскія войска были еще въ предѣлахъ Франціи. Снова Парижъ, учредившій „коммуну", боролся со всею почти остальною страною, снова городъ и деревня стояли другъ противъ друга, снова „деревенское большинство" дало перевѣсъ реакціоннымъ партіямъ и повторились всѣ ужасы 1848 г. И этотъ второй историческій урокъ уже не прошелъ даромъ. Представители французскаго пролетаріата начали все болѣе и болѣе внимательно относиться къ деревнѣ, изучать своеобразные законы развитія земледѣлія, заниматься аграрнымъ вопросомъ. Уже въ 1882 г. на Руанскомъ конгрессѣ марксистъ Лафаргъ читаетъ по этому поводу особый докладъ, въ которомъ настаиваетъ на необходимости для рабочей партіи привлечь крестьянство на свою сторону, обѣщая ему взамѣнъ поддержку и защиту.

Въ 1892 г. на годичномъ конгрессѣ въ г. Марселѣ, французская рабочая партія выработала особую „аграрную программу", т. е. программу требованій, программу мѣропріятій, которыхъ партія обѣщаетъ добиваться для защиты интересовъ работающихъ массъ деревни. (Это былъ X-й національный конгрессъ партій). Черезъ два года, на XII-мъ національномъ конгрессѣ въ г. Нантѣ эта программа была нѣсколько дополнена и приняла тотъ окончательный видъ, въ которомъ она существуетъ до настоящаго времени. Много нареканій пришлось выслушать партіи за эту

программу. Возраженія встрѣтили не столько даже отдѣльныя требованія программы, сколько ея общая мотивировка. Въ виду этого приведемъ ее здѣсь дословно.

„Принимая во вниманіе, что въ общей программѣ партіи сказано: „производители не будутъ свободны, пока они не будутъ владѣть средствами производства"; принимая во вниманіе, что между тѣмъ какъ въ области промышленности средства производства достигли такой степени капиталистической концентраціи, которая допускаетъ возвратъ ихъ производителямъ только въ формѣ коллективной или общественной—въ области земледѣлія въ настоящее время, по крайней мѣрѣ во Франціи, дѣло обстоитъ не такъ: средство производства, земля, находится во многихъ мѣстахъ въ индивидуальной собственности производителя. Принимая во вниманіе, что если это положеніе вещей, характеризующее собственность крестьянъ, фатально должно исчезнуть, то во всякомъ случаѣ не дѣло партіи ускорять его исчезновеніе, такъ какъ ея задача не отдѣлять собственность отъ труда, но, напротивъ, соединять эти два фактора производства въ однѣхъ рукахъ; раздѣленіе же ихъ ведетъ къ рабству и нищетѣ рабочихъ, впадающихъ въ положеніе пролетаріата; принимая во вниманіе, что если по отношенію къ большимъ земельнымъ участкамъ обязанность партіи состоитъ въ томъ, чтобы, по экспропріаціи, передать ихъ коллективной или общественной формѣ земледѣльческому пролетаріату,—то не менѣе важная ея обязанность сохранить крестьянину владѣніе его клочкомъ земли, защитить его отъ фиска и посягательства крупныхъ землевладѣльцевъ; принимая во вниманіе, что это покровительство слѣдуетъ распространить и на производителей, которые подъ именемъ фермеровъ или съемщиковъ, обрабатываютъ чужую землю, и, если и пользуются трудомъ наемныхъ поденщиковъ, то являются при этомъ въ нѣкоторомъ родѣ невольниками эксплоатаціи, которой подвергаются сами—рабочая партія, которая, въ противоположность анархистамъ, не ожидаетъ отъ распространенія и усиленія нищеты преобразованія соціальнаго строя и видитъ освобожденіе труда и общества только въ координированіи силъ тружениковъ города и деревни—приняла нижеслѣдующую аграрную программу, предназначенную для того, чтобы соединить для борьбы противъ общаго врага, земельнаго феодализма, всѣ элементы земледѣльческаго производства, всѣ силы, подъ разными

названіями непосредственно участвующія въ обработкѣ почвы".

Итакъ, вотъ тѣ общіе принципы, тѣ общія начала, которыя послужили для французской рабочей партіи исходнымъ пунктомъ при выработкѣ аграрной программы. Нетрудно видѣть, что если общему направленію, которое приняла въ этой программѣ французская мысль, нельзя не сочувствовать, то форма, въ которую она вылилась, еще оставляетъ желать лучшаго. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды разбирать, анализировать и критиковать эту форму. Для насъ особенно важно и интересно, что такой разборъ уже данъ, тѣмъ самымъ Ф. Энгельсомъ, который раньше предсказывалъ неизбѣжность крестоваго похода городовъ на деревню. Если бы Энгельсъ остался на той самой точкѣ зрѣнія, на которой онъ—также какъ и Марксъ—стоялъ въ 1848 г.,—конечно, отъ него нельзя было бы ожидать иного отношенія къ „аграрной программѣ" французовъ, кромѣ *безусловно-отрицательнаго*. Вопреки французамъ, провозглашавшимъ необходимость *союза* города и деревни, онъ сталъ бы выяснять необходимость ихъ *разъединенія*. Но мы видимъ, въ его статьѣ по поводу марсельской программы, напротивъ, принципіальное сочувствіе французамъ и рѣшительный отказъ отъ точки зрѣнія 1848 года.

„Буржуазная и реакціонная партіи"—такъ начинаетъ Энгельсъ свою статью—„крайне удивлены тѣмъ, что въ настоящее время совершенно неожиданно и повсюду злобой дня передовыхъ партій сдѣлался крестьянскій вопросъ. Но имъ слѣдовало бы скорѣе удивляться тому, что этого *не случилось раньше*, потому что вездѣ крестьянинъ является важнымъ факторомъ населенія, производства и политическаго вліянія. Правда, какъ политическій дѣятель, крестьянинъ до сихъ поръ не выступаетъ на сцену, главнымъ образомъ по причинѣ своей апатіи, которая есть результатъ изолированности деревенской жизни. Но эту апатію значительной части населенія *отнюдь не слѣдуетъ считать непреодолимой*. „Видимо вспоминая свое противоположное мнѣніе 1848 года, Энгельсъ прибавляетъ: „правда, французское крестьянство парализовало своимъ реакціоннымъ голосованіемъ неясныя коллективистическія стремленія 1848 г.; но съ тѣхъ поръ „много измѣнилось". Усложнившіяся хозяйственныя условія раскачали деревню, вывели ее изъ состоянія застывшаго неподвижнаго равновѣсія; съ другой стороны, на мѣсто прежнихъ неясныхъ и незрѣлыхъ коллективистскихъ порывовъ выросла хорошо организо-

ванная и сознательная рабочая партія, съ опредѣленной, продуманной программой дѣйствій и требованій. „Для осуществленія этихъ требованій“—говоритъ Энгельсъ—„необходимъ союзъ городского населенія съ сельскимъ, тѣмъ болѣе, что, если этотъ союзъ не состоится, можетъ случиться, что крестьянство сдѣлается орудіемъ въ рукахъ другихъ партій, которыя постараются вооружить его противъ городского класса“. Такимъ образомъ, принципіально Энгельсъ можетъ только привѣтствовать рѣшеніе французскихъ рабочихъ пойти навстрѣчу тому броженію, которое замѣчается среди тамошняго крестьянства, тѣмъ болѣе что, первые шаги въ этомъ направленіи были весьма удачны. Еще первоначальная марсельская программа имѣла среди французскихъ крестьянъ такой успѣхъ, что явилось желаніе сдѣлать второй шагъ, пойти еще дальше по пути ея приспособленія къ положенію крестьянъ, что и было сдѣлано въ Нантѣ. Энгельсъ считаетъ эту попытку болѣе, чѣмъ своевременной, ибо, если ужъ чему-нибудь удивляться, говоритъ онъ, такъ это тому, что она не было сдѣлана раньше. Но что касается теоретической мотивировки аграрной программы, то ее Энгельсъ считаетъ далеко неудовлетворительной, и съ нимъ нельзя не согласиться. Уже первое основаніе, изъ котораго исходятъ французы: „производители не будутъ свободны, пока они не будутъ владѣть средствами производства“, далеко не отличается опредѣленностью. Какое такое „владѣніе средствами производства“ есть гарантія свободы производителя? Неужели всякое? Неужели даже то раздробленное индивидуальное владѣніе, которое соотвѣтствуетъ нашему подворному? Неужели парцеллярное владѣніе съ соотвѣтствующимъ ему „карликовымъ“ производствомъ даетъ, кромѣ возможности нищенскаго полуголоднаго существованія въ полной зависимости отъ деревенскаго ростовщика, какую-то „свободу“? Развѣ только свободу бросить свою землю и хозяйство, „освободиться“ отъ всякой собственности! Ничего не возражаетъ Энгельсъ противъ противопоставленія капиталистической эволюціи въ промышленности и въ земледѣліи, въ томъ смыслѣ, что въ послѣднемъ не замѣчается той быстрой концентраціи собственности и производства, какъ въ первой. Точно также соглашается Энгельсъ, что „мы отнюдь не призваны ускорить своимъ вмѣшательствомъ гибель малоземельныхъ крестьянъ“, хотя и предвидимъ ея неизбѣжность; но тѣсно связанное съ нимъ положеніе: „задачи партіи не отдѣлять соб-

ственность отъ труда, но, напротивъ, соединять ихъ въ однѣхъ рукахъ".—Ф. Энгельсъ снова находитъ недостаточно опредѣленнымъ. Нѣтъ, не просто „соединить въ однѣхъ рукахъ собственность и трудъ"—желаетъ направленіе, ведущее свое начало отъ К. Маркса; оно понимаетъ, что соединеніе это не можетъ быть осуществлено для каждаго производителя порознь, отдѣльно. Такого рода „соединеніе" не можетъ быть прочнымъ и партія не должна брать на себя работу Данаидъ. Индивидуальная собственность и производство неминуемо въ концѣ-концовъ приведутъ къ распаденію однороднаго слоя производителей на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Поэтому партія должна стараться передать производителямъ средства производства въ совмѣстное владѣніе и пользованіе.

Неопредѣленность приведенныхъ выше положеній находится въ связи съ двумя дальнѣйшими пунктами, которыхъ Энгельсъ въ особенности не одобряетъ. Первый пунктъ—это обѣщаніе покровительства тѣмъ производителямъ, которые „подъ видомъ фермеровъ или съемщиковъ обработываютъ чужую землю, и, если и пользуются *трудомъ наемныхъ поденьщиковъ*, то являются при этомъ въ нѣкоторомъ родѣ невольниками той эксплуатаціи, которой подвергаются и сами". По мнѣнію Энгельса, обѣщать безъ всякихъ оговорокъ покровительство классу людей, живущихъ, какъ бы то ни было, наемнымъ трудомъ,—значитъ отступать отъ основныхъ принциповъ направленія. Дальнѣйшій пунктъ—провозглашеніе задачей партіи, ея обязанностью „сохранить крестьянину владѣніе его клочкомъ земли", защищая его отъ фиска и посягательствъ крупнаго землевладѣнія. „Сохранять" и только „сохранять"—есть дѣло консерваторовъ; то-же направленіе, о которомъ идетъ рѣчь, должно не „сохранять", а преобразовывать. Мы не могли бы оказать худшей услуги и себѣ самимъ, и малоземельнымъ крестьянамъ, если бы стали давать призрачныя обѣщанія поддержать парцеллярную собственность"... „Наша задача по отношенію къ мелкимъ крестьянамъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы превратить его частное производство и частное владѣніе въ общественныя, дѣйствуя примѣромъ и предложеніемъ для достиженія этой цѣли общественной помощи". „Единичное хозяйство, обусловленное индивидуальнымъ владѣніемъ, ведетъ крестьянъ къ гибели... Надо объяснить мелкимъ хозяевамъ, что ихъ спасеніе, какъ самостоятельныхъ производителей, заключается въ

обращеніи индивидуальнаго пользованія въ товарищеское. „Если же мелкіе производители будутъ упорно стоять за индивидуальное производство, они неизбѣжно въ концѣ-концовъ будутъ изгнаны изъ своего дома и двора, ихъ устарѣлый способъ производства будетъ замѣненъ крупнымъ капиталистическимъ“. Энгельсъ далѣе полагаетъ, что на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ, въ сущности, и составители нантской программы, „только они не съумѣли ясно высказать своей мысли и допустили такія положенія, которыя могутъ быть истолкованы въ нежелательномъ смыслѣ“. Мелкія мѣры, которыя они предлагаютъ (покупка общинами машинъ и отдача ихъ въ безплатное пользованіе отдѣльнымъ крестьянамъ, пониженіе провозныхъ желѣзнодорожныхъ платъ на удобреніе, машины и пр., пониженіе законнаго $^0/_0$) не остановятъ пролетаризированья мелкихъ крестьянъ, а иныя изъ нихъ даже послужатъ болѣе крупнымъ владѣльцамъ. Слѣдовательно, обѣщаніе сохранить парцеллярную собственность въ нантской программѣ совершенно прозрачно. Съ другой стороны, въ программѣ этой есть пункты, которые находятся вполнѣ въ духѣ энгельсовскаго совѣта стремиться „превратить крестьянское частное производство и частное владѣніе въ общественныя, дѣйствуя примѣромъ и предложеніемъ для этой цѣли общественной помощи“... Приведемъ здѣсь эти пункты.

Пунктъ 3-й программы: „запрещеніе общинамъ отчуждать ихъ общинную землю; отдача государствомъ въ аренду земель **domaniaux**, **maritimes** и др., теперь не обрабатываемыхъ; употребленіе излишковъ бюджета общинъ на увеличеніе общинной собственности“.

Пунктъ 4-й: „передача общиной земель, оставшихся за государствомъ, принадлежащихъ ей или купленныхъ ею, нуждающимся семействамъ, ассоціированнымъ или просто пользующимся доходами съ земли, но съ запрещеніемъ употреблять поденщиковъ и съ обязательствомъ платить въ пользу общинъ“.

А также отчасти пункт. 8-й: „покупка общиной при помощи государства земледѣльческихъ машинъ или наемъ этихъ машинъ и передача ихъ въ безплатное пользованіе мелкимъ земледѣльцамъ; учрежденіе земледѣльческихъ товариществъ для покупки удобреній, сѣмянъ, растеній и т. д. и для продажи продуктовъ“.

Смыслъ этихъ положеній вполнѣ понятенъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ французскихъ марксистовъ Поль Лафаргъ еще дав-

но, въ своемъ докладѣ Руанскому конгрессу 1882 года („Крестьянская собственность и экономическая эволюція"), отмѣчалъ то вредное вліяніе, которое оказало на французскихъ крестьянъ почти полное уничтоженіе общинной собственности въ концѣ XVIII вѣка. Это уничтоженіе общинной собственности повело къ такому усиленію индивидуализма среди крестьянъ, что въ 1870—80 г.г. было, казалось, „легче научить пуатускихъ ословъ говорить стихами Виктора Гюго, чѣмъ внушить фран. крестьянину мысль о солидарности его интересовъ съ интересами другихъ крестьянъ *). Такимъ образомъ три только что приведенныхъ пункта нантской программы стремятся возстановить зачатки среди крестьянъ почти совершенно утраченнаго ими общиннаго коллективизма. Какъ же относится къ этому Фр. Энгельсъ? Если Фр. Энгельсъ иныя предложенія и обѣщанія считалъ у французскихъ марксистовъ заходящими слишкомъ далеко, то здѣсь, напротивъ, положенія нантской программы онъ считаетъ даже недостаточными. Онъ ставитъ въ примѣръ французамъ, какъ болѣе отвѣчающій цѣли, другой планъ аграрной реформы, именно датскій. Такъ какъ въ Даніи, собственно говоря, только и есть одинъ „настоящій" городъ—Копенгагенъ, и крестьянство въ этой странѣ составляетъ преобладающій элементъ, то здѣсь волею-неволей пришлось обратить, въ противоположность крупнымъ государствамъ континента почти все вниманіе не на городъ, не на фабрику, не на пролетаріатъ, а на деревню, на крестьянство. И вотъ здѣсь правильно и широко намѣченъ путь реформы аграрныхъ отношеній. Крестьяне деревни или прихода (въ Даніи много большихъ отдѣльныхъ дворовъ) должны соединить свою землю въ одно большое владѣніе, обрабатывать его на общій счетъ, а доходъ дѣлить сообразно съ величиной земельныхъ участковъ, затраченными средствами и количествомъ труда. Именно этотъ путь для спасенія и должно рекомендовать малоземельному крестьянину (Kleinbauer), подъ которомъ Энгельсъ разумѣетъ собственника или арендатора такого клочка земли, который не настолько великъ, чтобы крестьянинъ

*) Переводъ этой статьи былъ въ свое время сдѣланъ въ журналѣ „Устои" 1882 г. или 1883 г. подъ заглавіемъ „Движеніе поземельной собственности во Франціи". См. ст. Лафарга въ „L'Ere Nouvelle", декабрь 1894 года.

не могъ въ большинствѣ случаевъ, обработать его руками своей семьи, и не настолько малъ, чтобы не прокормить его семью: это такимъ образомъ, подобно мелкому ремесленнику, есть тотъ же рабочій, отличающійся отъ современнаго пролетарія тѣмъ, что еще владѣетъ орудіями труда. При соединеніи участковъ такихъ малоземельныхъ крестьянъ и при крупной культурѣ ихъ общей площади часть занятыхъ до того времени рабочихъ рукъ сдѣлается излишней. Занятіе для этихъ рабочихъ рукъ можетъ быть найдено двоякое: или эти соединившіеся крестьяне возьмутъ болѣе значительные земельные участки изъ сосѣднихъ большихъ владѣній, или же имъ будетъ дана возможность „заняться побочнымъ промышленнымъ трудомъ, по возможности и преимущественно для собственнаго потребленія. Въ обоихъ случаяхъ они станутъ въ лучшее экономическое положеніе и въ то же время будетъ обезпечена возможность систематическаго воздѣйствія, съ цѣлью перевести крестьянское товарищество въ высшую форму". Но, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, въ томъ, что Энгельсъ безповоротно покончилъ съ точкой зрѣнія 1848 года, закончимъ наши цитаты слѣдующими его словами: „Мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина—мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать болѣе сносной его судьбу, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, разъ онъ на это рѣшится: а если даже онъ и не будетъ въ состояніи придти къ такому рѣшенію,—доставить ему возможность поразмыслить на своемъ клочкѣ земли... Чѣмъ больше число крестьянъ, избавленныхъ отъ дѣйствительнаго вступленія въ ряды пролетаріата, которыхъ мы можемъ склонить на свою сторону, какъ крестьянъ,—тѣмъ скорѣе и легче совершится общественное преобразованіе. Нѣтъ никакой пользы, если преобразованіе будетъ отсрочено до той поры, когда капиталистическое производство разовьется всюду до крайнихъ предѣловъ, когда послѣдній мелкій ремесленникъ и послѣдній мелкій крестьянинъ падетъ жертвой предпринимательскаго производства".

Такимъ образомъ и Энгельсъ категорически отказывается отъ точки зрѣнія 1848 года и даже идетъ дальше французовъ въ признаніи возможности не капиталистической прогрессивной эволюціи земледѣлія. Словомъ, онъ совершаетъ тотъ же самый грѣхъ, въ которомъ повинно и русское „народничество". „Народничество"! Какое безконечное и широкое, разнообразное и часто противорѣчивое содержаніе вкладывается теперь въ это понятіе!

Представители нео-марксистскаго направленія привыкли обозначать этимъ именемъ всѣхъ, кто только не согласенъ съ ихъ мнѣніемъ о необходимости пролетаризаціи крестьянства. Но неужели подобнымъ, въ сущности чисто-отрицательнымъ признакомъ, можно характеризовать какое-либо цѣлостное, опредѣленное направленіе? Само собою разумѣется, что подъ такую рубрику свободно подойдутъ люди самыхъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ взглядовъ. Г. Юзовъ и Н. К. Михайловскій, Л. З. Солонимскій и Николай—онъ, г. Ходскій и А. И. Чупровъ, А. А. Исаевъ и В. В. Тернеръ (изъ „Вѣстника Евр.“) и г. Одарченко (не знаю, изъ какой литературной подворотни)—всѣ равно окажутся людьми одного духа, хотя общаго между многими изъ нихъ только и есть, что они не принадлежатъ къ числу нео-марксистовъ. Самыя существенныя различія въ ихъ взглядахъ игнорируются и всѣ они какъ бы связываются взаимной, круговой порукой другъ за друга. Благодаря этому пріему искусственнаго обобщенія различныхъ между собою воззрѣній, г. И. Гурвичъ, напримѣръ, считаетъ себя вправѣ заявить, будто „русское народничество вполнѣ мирится съ мелкимъ раззореннымъ производствомъ“. Если согласиться считать это характернымъ признакомъ народничества, то, конечно, ужъ не народникъ г. Николай—онъ; долженъ отказаться отъ титула въ этомъ случаѣ „народника“ и пишущій эти строки. Между тѣмъ споръ идетъ вовсе не о томъ—„быть или не быть“ крупному, планомѣрно организованному, общественному производству, а о томъ, ждать-ли созданія такого производства въ земледѣліи путемъ капиталистическимъ или же путемъ сознательнаго, телеологическаго общественнаго творчества, опирающагося отчасти и на крестьянство и утилизирующаго всѣ его коллективистскія способности?

Впрочемъ, и кромѣ г. Гурвича многіе пытались представить въ совершенно превратномъ свѣтѣ вопросъ о причинахъ и происхожденіи разногласій по поводу крестьянства и общины. А такихъ попытокъ было немало. Говорилось, напримѣръ, что это—лишь продолженіе стараго спора между западниками и славянофилами. Защита общины выходила, такимъ образомъ, чѣмъ-то вродѣ новой попытки воскресить „самобытность“ православнаго русскаго народа. Другіе пытались доказать, что русское „народничество“ есть ничто иное, какъ безсознательное повтореніе того, что твердили нѣмецкіе „самобытники“ 40-хъ годовъ, въ свое время

жестоко осмѣянные Марксомъ и Энгельсомъ... И во всякомъ случаѣ выходило, что точка зрѣнія защитниковъ крестьянства есть ничто иное, какъ переживаніе самыхъ устарѣлыхъ, самыхъ архаическихъ, чуть-ли не допотопныхъ воззрѣній.

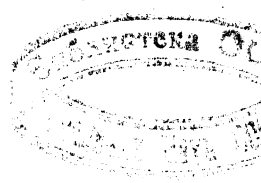
Между тѣмъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Если ужъ чья-нибудь точка зрѣнія является отсталой, отжившей, устарѣвшей,—такъ это, несомнѣнно, точка зрѣнія тѣхъ, кто желалъ бы скорѣйшаго уничтоженія русской общины, разрыва связи крестьянина съ землею и орудіями производства—этому новому слову въ настоящее время исполнился очень почтенный возрастъ—болѣе полустолѣтія. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ констатировалъ неизбѣжную реакціонность и вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемую гибель крестьянства, Энгельсъ расточалъ по адресу послѣдняго эпитеты „тупоумный“, „безсмысленный“, „варваръ“, „звѣрскій“ и т. д. Съ тѣхъ поръ много измѣнилось *) и г. Марксъ и г. Энгельсъ давно успѣли стряхнуть со своего міросозерцанія вліяніе тѣхъ случайныхъ, проходящихъ условій времени, которое наслоилось на него тогда, когда они впервые изложили свое credo и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ реакціоннаго поведенія французскихъ крестьянъ изрекли надъ всѣмъ крестьянскимъ классомъ **) свой суровый и безпощадный историческій приговоръ. Но именно эта-то, брошенная Марксомъ-Энгельсомъ точка зрѣнія и была поднята ихъ русскими учениками. Почему такъ такъ случилось—понять нетрудно. Настроеніе, охватившее передовыхъ людей Запада послѣ 1848 г., и настроеніе русской интеллигенціи 80-хъ

---

*) Еще недавно ортодоксальнѣйшій изъ нѣмецкихъ марксистовъ, К. Каутскій, призналъ, что, теперь лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что наша „экономическая и политическая жизнь въ послѣднія два десятилѣтія начала развивать такія черты, которыя были еще сокрыты ко времени составленія сочиненій, легшихъ въ основу нашего міросозерцанія—прежде всего „Манифесты“ Маркса, Энгельса и „Капитала“. Становится необходимой новая провѣрка нашихъ представленій на этихъ новыхъ фактахъ, „изъ которыхъ самыми существенными и, *повидимому*, противорѣчащими этимъ представленіямъ“ Каутскій считаетъ „факты аграрной эволюціи“.

**) Мы говоримъ все время именно о крестьянскомъ классѣ, а не сословіи, имѣя въ виду именно тѣхъ Kleinbauer'овъ опредѣленіе которыхъ дано Ф. Энгельсомъ.

годовъ имѣютъ между собою много общаго. Тѣ-же разочарованія, усталость, апатія, индифферентизмъ, то же массовое ренегатство. Тамъ со стороны такихъ людей, какъ Марксъ и Энгельсъ, вспышка гнѣвнаго презрѣнія по адресу крестьянства—здѣсь разочарованіе въ быломъ кумирѣ—народѣ. Одинаковыя причины—одинаковыя и проявленія.



Изданія книгоиздательства „Молодая Россія“.

К. Качоровскій. Народное право. 90 к.

Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетпаго.

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ. 10 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба 10 к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точ. зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ маркеизма. 10 к.
Амари. Стихотворенія. 10 к. (распр.).
П. Поливановъ. „Кончился“. Съ портр. и біогр. авт. 8 к. 2-е изд.
Л. Шишко. Рабочее движ. и его аграрная прогр. въ Германіи. 20 к.
А. Рудинъ. На ту же тему. (Еще объ агр. экскурс. рос. с.-д.). 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Съ предислов. **Р. Росса.** 18 к.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Лавровъ. Знаніе и революція. Съ портр. автора. 10 к.
Ѳ. Сибирскій. Очередной вопросъ. (Объ аграрн. прогр.). 8 к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе. 4 к. (Попул. библ. № 1).
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. 3 к. (Попул. библ. № 2).
Н. М. На войну. 4 к. (Попул. библ. № 3).
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьянѣ борются за свободу (Попул. библ. № 4) 2 к.
Сергѣй Обуховъ. Не въ моготу (Поп. библ. № 5) 9 к.

Условія: Выписывающіе на сумму не менѣе 3 р. за пересылку не платятъ. Книжные магазины въ складѣ и его отдѣленіяхъ пользуются скидкой въ 25%. При заказахъ по московскому адресу на сумму не менѣе 25 р. пересылка по ж. д. (въ пред. Евр. Россіи), принимается на счетъ изд-ва. Требованія изъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются отдѣленія въ главномъ складѣ не исполняются. Контора изд-ва не принимаетъ комиссіонныхъ порученій по высылкѣ книгъ др. издательствъ.

Складъ изданій: Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, кв. № 2.

Отдѣленія склада: С.-Петербургъ: Кн. скл. „Библіотечное дѣло“, Невскій, 42. Кн. маг. В. П. Кранихфельдъ, Англійскій пр., № 40.—Кіевъ Кн. складъ А. А. Соколовскаго, Крещатикъ, 42.—Харьковъ: Кн. маг. при „Обществ. Библіотекѣ“.—Одесса: Кн. складъ Я. Р. Вугмана, Елизаветинская, 4.—Саратовъ: Кн. маг. „Новь“ П. С. Феоктитова.—Самара: Кн. маг. Е. С. Ивановой, Саратовская ул.—Н.-Новгородъ: Кн. маг. „Новь“ Осыпная, 14.—Смоленскъ: Кн. маг. „Молодая Россія“, Благовѣщенская ул.,—Казань: Контора „Крестьянской газеты“, 2-я Академическая.—Баку: Кн. маг. „Сотрудникъ“ М. А. Сундувянцъ.—Тифлисъ: Кн. скл. бывш. О. Кайдановой, Кирочная, 6.—Курскъ: Кн. маг. „Народная Польза“ Е. Сапуновой.—Архангельскъ: Кн. контора И. К. Максимова.—Вильно: Кн. складъ „Знаніе“, Георгіевскій пр., 14.

Книгоиздательство „СѢЯТЕЛЬ“.

Адресъ для корреспонденціи: Нижній-Новгородъ, магазинъ „Книжный Музей“, для „Сѣятеля“.

Вандервельдъ. Идеализмъ въ марксизмѣ, съ предисловіемъ В. Чернова	распр.
Ламенне. Современное рабство	распр.
Новый пѣсенникъ	распр.
Крестьянство и земельный вопросъ	распр.
Толковый словарь въ помощь при чтеніи газетъ	распр.
Полезныя для всѣхъ свѣдѣнія № 1	распр.
Сорскій. О пути къ общественному хозяйству	распр.
Цадекъ. Рабочій день и вырожденіе 3-е изданіе	5 к.
Чтенія въ крестьянскихъ кружкахъ самообразованія.	4 к.
Винкъ. Борьба классовъ	3 к.
Трудъ и капиталъ. Романъ изъ рабочей жизни	6 к.
Фрелихъ. Алкоголизмъ и пролетаріатъ	3 к.
Полезныя для всѣхъ свѣдѣнія № 2 (Народное образованіе)	1 к.
Полезныя для всѣхъ свѣдѣнія № 3 (Земельный вопросъ)	1 к.
Избраніе Михаила Федоровича Романова на царство.	3 к.
Н. Граціановъ. Народные Университеты	10 к
Оленина. Весна народовъ (Великая Франц. революція).	11 к.
Черновъ. В. Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ 2-е изд.	5 к.

На складѣ у книгоиздательства журналъ „За книжкой“.

Вышли №№ 1 и 2-й, цѣна каждаго . . . . . 7 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Толковый словарь 2-ое изданіе значительно дополненное и исправленное.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

Петербургъ, книжный магазинъ „Трудъ“, Невскій, 60.
Москва, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, 38.
Нижній-Новгородъ, книжный магазинъ „Книжный Музей“.

Выписывающіе изъ склада въ Нижнемъ-Новгородѣ не менѣе какъ на три рубля (деньги просятъ впередъ, можно марками) за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ уступка 25%